

Раушан

Иманжусуп

доктор философских наук,
профессор ЕНУ им. Л. Н. Гумилева,
председатель ОО «Шоқан жолдары»

ДОРОГАМИ ШОКАНА

«ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ ВСЕ НИЧТО...»

В первые дни моего переезда в Кокшетау я подолгу сидела у памятника Шокану, размышляя о его уникальной, драматической судьбе, строя планы на будущее. Спросила у пробежавшего мимо паренька: «Ты знаешь, кто это?» Он остановился, вскинул голову, вглядываясь в фигуру Шокана: «Кажется, революционер». Показалось, небо опрокидывается на меня, так глумливо и нелепо прозвучали его слова. В ту минуту я поняла, зачем судьба забросила меня в Кокшетау. Шокан с детства был моим кумиром, я мечтала побольше узнать о нем, часто повторяла его слова: «Только истинное знание дает спасительный дух сомнения, и только оно научает человека ценить жизнь и материальное благосостояние». Шокан, его дух просили моего заступничества, и мне стало ясно, чем я буду заниматься.

На следующий день в университете я прочла лекцию о Шокане магистрантам и бакалаврам и предложила поехать в Сырымбет, где прошли детские годы Шокана. Там, в Сырымбете, очарованные и пораженные увиденным, никогда до этого не бывавшие у Шокана, не подозревавшие о том, что у них под боком находится резиденция ханши Айганым, ребята решили заняться исследованием трудов их гениального земляка. Так появился клуб Шокана, который после поездки в Омск стал еще и международным, поскольку к нам присоединились омские друзья.

В Омске произошла памятная встреча с международной организацией «Джей энд Эс», ее руководителем Юлией Приваловой. По ее инициативе был открыт центр по изучению казахского языка, где обучение проводили мы. Помню, как к нам пришел парень. Его звали Сашей. Смущаясь, он рассказал о том, что влюблен в девушку. Она казашка, родители не хотят, чтобы они встречались из-за того, что он не знает языка. Через три месяца Саша сделал предложение любимой девушке, попросил благословения у родителей на казахском. Мы же были почетными гостями.

В один из приездов я увидела афишу, извещавшую, что вечером будет спектакль «Любина роцца». Спросила у кассира, о чем он. «О любви Шокана к красавице Любе, молодой жене генерал-губернатора Гасфорта», – услышала я ответ. Через неделю в Омск приехали шокановцы из многих городов Казахстана, чтобы по-

смотреть спектакль. Были слезы, цветы, признания. И вскоре уже омичи приехали в Кокшетау, и были самыми дорогими гостями шокановцев.

В 2011 году было создано общественное объединение «Шокан жолдары» на базе международного клуба «Шокан», действовавшего с 2006 года в государственном университете имени Шокана Уалиханова в городе Кокшетау. Целью создания объединения было привлечение молодежи к научным изысканиям через изучение жизни и творчества первого профессионального ученого-казаха прожившего короткую, но яркую жизнь. Организация и проведение просветительской работы, научно-практических конференций, полевых экспедиций – так родился научно-исследовательский проект «Дорога к Шокану», в котором было три направления: «Шокантану», «Иманжусуптану», «Культура и язык». Начались наши экспедиции по следам Шокана. Проект был самофинансируемым и самокупаемым. Самофинансируемым – деньги были свои, частично спонсорские. Самокупаемым – окупаемость состояла в нашем приближении к тайнам Шокана, в постижении его гениального наследия. Всеми находками мы делились в статьях, выступлениях на конференциях – международных и республиканских.

Кроме того, в год 180-летия Шокана мы провели международный конкурс молодых талантов «Шокан года». Лауреатом конкурса стал композитор из Китая Таскын Жармухамед, написавший симфоническую поэму «Шокан ізімен». Был осуществлен выпуск книги «Шокан далекий и близкий», в создании которой принимали участие все члены общества. Материалом для книги послужили исследования участников проекта – шокановедов, историков, художников.

Но главным в наших изысканиях были все-таки полевые экспедиции. Каждое лето, вот уже десять лет, мы едем по следам Шокана, который хотел посвятить свою жизнь открытиям в древней истории Востока, опираясь на сведения, почерпнутые в народных преданиях и легендах, на «остатках киргизской старины».

В 1855 году он отправляется в экспедицию под руководством Гасфорта по Центральному Казахстану: Омск – Семипалатинск – Аягуз – Капал – Верный. На обратном пути: Алтын-Эмел – Джунгарские ворота – Алаколь – Тарбагатай – Каркаралы – Баянаул – Кокшетау – Омск. По итогам экспедиции был представлен к награде и удостоен чина поручика. В августе – сентябре 1856 года – экспедиция под началом полковника Хоментовского на Иссык-Куль. На следующий год – Тянь-Шанская экспедиция, после которой Шокан становится в неполные 22 года действительным членом Географического общества. Кстати, до сих пор на парадной лестнице Географического общества можно увидеть портреты Семенова-Тян-Шанского, выдающегося ученого мира, и его гениального ученика Шокана Уалиханова. Во время поездки в Санкт-Петербург нам довелось насладиться этим великолепным зрелищем, и сердца наши переполнились любовью и гордостью за славного сына нашего отечества.

Далее следует опасное путешествие в Кашгар, после которого его находят настоящая слава и признание. Он получает орден Владимира четвертой степени и чин штаб-ротмистра. Последняя его экспедиция – участие в походе Черняева. Он покидает армию и поселяется на Алтын-Эмеле.

Сырымбет, Кусмурун, Омск, Санкт-Петербург, Алтын-Эмель, Карагайлы-сай, Иссык-Куль, Аксуат, Аягоз, Семей, Улытау, Нура, Алаколь, Кольсай, Жалагаш, Балхаш, Сарысу, Или, Тамгалы Тас, Кенгир, Калбатау, Аксу, Бухара, Самарканд

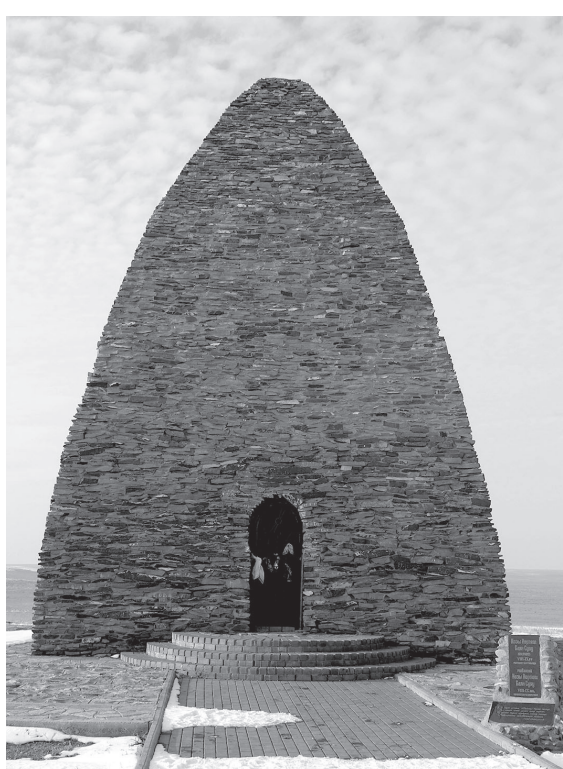
Ташкент – вот неполный список мест, где мы побывали, а в некоторых и не по одному разу. Это касается Омска, Сырымбета, Нуры, Алтын-Эмея, Иссык-Куля, Улытау. По следам экспедиции Черняева мы тоже прошли в разные годы, посетив все регионы юга Казахстана: Жамбылскую, Кзылординскую, Южно-Казахстанскую области и Туркестан.

Везде, где побывал Шокан, он тщательно изучает святыне, сакральные места, могилы, дает их характеристику, проводит свою классификацию. Он пишет: «По всей степи разбросано множество древних и новых могил, курганов, насыпей и т. д. Эти немые памятники кайсацкого быта гораздо важнее в географическом, чем в историческом отношении, потому что имена погребенных остаются навеки в устах народа, и кайсак соотносит свой путь с положением этих могил». На мой взгляд, многое с тех далеких лет изменилось, и для нынешних людей «немые памятники» представляют более культурно-исторический интерес, нежели навигационный.

В письме к профессору Березину Шокан пишет: «В киргизской степи много гробниц, каменных мечетей, называемых стан или там, которые носят имена своих основателей, над чьим телом поставлены эти памятники. Такие места называются аулие – святыне. Эти тамы служат местом для их религиозного зиарата (посещение могил предков), и они обращаются к этим аулие и машаихам как к патронам своего народа и т. д. “О, сорок святых отцов Сыр-Дарьи, о, Жан-Ана”!»

Шокан в первой своей экспедиции тоже хотел совершить зиарат, но по-своему, и не у святого, а на могиле двух влюбленных. В дневнике поездки на Иссык-Куль он пишет: «Я очень люблю и восхищаюсь Аягузом, может быть, поэтическая легенда о любви прекрасной Баяны к золотоволосому Козу-Корпеч, действие которой происходило на этой реке, есть немаловажная тому причина... На пикете № 2 мы переправлялись на правый берег... В 10 верстах... стоит знаменитая в киргизских поэмах могила Козу-Корпеча. Мы хорошо изучили поэму и потому хотели непременно осмотреть и их могилу... нам хотелось встать там в утро и на могиле выпить чаю: приятно в дороге пить чай и особенно на развалинах, древних могилах. Думать о прошедшем и заботиться о настоящем».

Но ему не повезло тогда: шел дождь, река разлилась. Конечно, потом он побывал на могиле и оставил описание ее, рассказал о каменных бабах, которые стояли

Мавзолей Козы-Корпеша и Баян-Сулу.
Восточно-Казахстанская область

у могилы, срисовал их – потом эти бабы были увезены учеными из Германии ли, России ли, след их затерян. Но мы, приехав на могилу Баян-сулу и Козы-Корпеша, исполнили все в точности так, как мечтал Шокан: встали перед восходом солнца, поставили самовар. С первыми лучами солнца степь ожила, «и жаворонок спел свою первую песнь, когда с одной стороны мрак и ночные тучи уходят на север, с другой, с востока, восстает утреннее багровое солнце, и свет приятно освещает верхи дерев, воду каким-то чудным светом». Мы пили горячий чай, «думая о прошедшем и заботясь о настоящем», и не было счастливее нас на белом свете в тот час, потому что нам дано было свыше прикоснуться к великому таинству единения природы, человека и Вечности. «Перед Вечностью все ничто», – любил говорить Шокан, и эта истина со всей полнотой открылась нам на могиле двух влюбленных.

А в Семее посчастливилось познакомиться с жыршы Дуйсенгазы, который исполнил нам дастан о двух влюбленных, и самое удивительное было то, что во всех других известных вариантах Баян-сулу убивает злодея Кодара, убийцу Козы-Корпеша, прося его спуститься в колодец по ее длинной косе. А в этом варианте Баян-сулу говорит ему: «Живи, если сможешь. Ты свободен». Кодар умирает от всеобщего презрения, от одиночества. Да, такой конец поэмы, признаться, мне кажется более правдоподобным, ибо как могла Баян, нежная, лучезарная Баян лишиться жизни человека?

В этом же дневнике поездки на Иссык-Куль Шокан формулирует очень важный и глубокий тезис: «Если у киргизов есть свое искусство, архитектура, то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура бейит». Начиная с 1855 года Шокан занимается всерьез надмогильной архитектурой и составляет за три-четыре года список более тридцати объектов, давая каждому из них подробную характеристику, описывая мельчайшие детали, местонахождение, историю происхождения и материал, из которого сделано сооружение, попутно и классифицируя их.

Еще одним доказательством серьезности научного интереса ученого к архитектурным и историко-археологическим памятникам Казахстана можно назвать его записку под заглавием «Нужно осмотреть». В записке отмечены семь памятников, из которых рукою Шокана зачеркнуты четыре с пометкой «видел». Кроме того, он пишет, что около могилы Урдабая встречается древняя могила с истуканом. Представляет большой интерес в рамках программы «Сакральная география» упомянутая в этом списке пещера – «от Копала на Старо-Каратальском пикете (в ней вырыли два медальона с изображением ламаистских богов)». Нам известны изображения Будды на Тамгалы Тас, быть может, рисунки в пещере, указанной Шоканом, были бы не менее интересны миру.

Шокан, мечтая об открытиях, не случайно интересовался могилами. Ведь предания народа связаны вплотную с могилами, они имеют единое пространство. Человек, попадая в эту ауру, становится причастным к тайне, скрывающейся тут. Он обретает память, ищет и находит истину в предании, которое несет в себе дух народа. Могила для кочевника – это то место, где собираются духи святых, где происходит катарсис, избавление от нечистых сил, где можно попросить помощи, здоровья, благополучия. Места, где упокоены усопшие, находятся под защитой бога и высших сил. Вот почему Шокан мечтал выпить чаю на могиле Козы-Корпеша, ожидая очищения души и укрепления веры.

В статье «О киргизских молах и древностях вообще», в первой своей статье по этой теме, он объясняет, почему встречаются большие по величине мазары: «Громадность у кайсака – первое условие величия предмета, и могилы больших форм поэтому устраиваются над прахом важных и богатых киргиз. Подобного рода могилы есть на татарском кладбище в Семипалатинске, в степи же они встречаются в Большой орде у подошвы обоих Алатау». Шокан приводит пример мазара Кулан-хана, указывая на то, что самой большой пантеон возведен на реке Талгар. Дает подробное описание: «Состоит из двух частей – ограды и самой гробницы. Ограда имеет вид кургана (крепостного сооружения с башенками на углах и с простым украшением над дверьми). Гробница стоит внутри ограды и имеет вид купола на кубическом пьедестале. Эта могила так обширна, что в ней могла бы поместиться вся ханская фамилия». Кулан-хан – султан Кулан,

Изображение Будды. Тамгалы Тас. Алматинская область

внук Аблая – скончался в 1831 году, он родоначальник албанов и суанов. С тех пор как Шокан видел эту гробницу, прошло полтора века, и перед нами стоит задача определить, сохранилась ли могила в наше время, все ли объекты из списка Шокана вошли в нынешние реестры сакральных мест.

Очень подробно, скрупулезно Шокан описывает и материалы надгробий. После осмотра мазаров он записывает в своем дневнике, что курганообразные строятся из сырого кирпича, а не лепятся из глины. Камнями и щебенкой обкладывают могилы второстепенные. Надгробий, сооруженных из дерева, почти не встречается. Шокану попался один из тонкого тополя, вершина которого была заострена.

Особо ценными представляются современному читателю и изыскателю рисунки Шокана, на которых он запечатлел несколько могил и гробниц. Среди них – мавзолей Айтбулата XIII–XIV веков на реке Сарысу, Бутагай – мавзолей XII–XIV веков на реке Нура, мавзолей Джубан-ана XI–XII веков. Эти зарисовки Шокана представляют огромную ценность в том смысле, что многие мавзолеи не сохранились до наших дней, были разрушены. Так, мавзолей святой Джубан-ана, подробно, в деталях

описанный и зарисованный Шоқаном, был разобран на кирпичи в 1946 году местными жителями. Со свойственной ему тонкой иронией Шоқан замечает, что «всякий проезжающий из кайсаков через это место в богобоязненном страхе и религиозных чувствах совершает обряд, который сопровождается чтением молитв; разумеется, этим хотят угодить праведнику и получить через то милость Магомета».

В списке объектов, изученных Шоқаном, – знаменитый Тамгалы Тас, ныне этот памятник культуры находится под охраной ЮНЕСКО. Шоқан же, проезжая мимо скалы, срисовал рисунок трех Будд. Много лет спустя экспедиция «Шоқан жолдары» достигла пределов Тамгалы Тас. Это был удивительный день, полный восторга для участников путешествия, так как мы имели возможность увидеть необыкновенные наскальные рисунки, древние петроглифы, спорить, выдвигать гипотезы, пытаясь разгадать тайну Тамгалы Тас, приобщиться к мировому культурному наследию, вспоминать Шоқана, восхищаться глубиной и точностью его научной мысли.

Западного Казахстана нет в биографии Шоқана, то есть он не бывал на западе Казахстана, но нами обнаружены упоминания о Каспийском море, Каспийских горах (видимо, плато Устюрт), о каменных мечетях, что позволяет нам предположить, что все-таки он побывал на Мангышлаке. Если же нет, то он весьма плодотворно и творчески использовал материалы из статей К. Боде «О туркменских поколениях» и М. Иванина «Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году».

«На Мангышлаке много могильных памятников с надписями и изображениями: сабли, ружья, пики, пистолеты. На одном изображении всадник, преследующий юлбарса, и две собаки. Изголовьями они обращены на северо-запад. Есть развалины крепостей, принадлежащих туркменам. Развалины на урочище Ханга-Баба взяты киргизами (казахами). Около Александрбая (ныне форт Шевченко) недалеко от колодцев Кумчинрау есть два подземелья, высеченные в скалах». По всей вероятности, Шоқан упоминает о мечети святого Султана-эпе, но о ней разговор впереди.

Им был задуман труд о распространении ислама в степи, известны его статьи по истории религии, такие, как «Следы шаманства у киргизов», «О мусульманстве в степи», «О туркменах», «Записки о киргизах». Например, в последней статье Шоқан упоминает об Александре Барнсе, который путешествовал по странам, лежащим между Индией и Каспийским морем. Еще в одном месте он упоминает о Каспийских горах, вероятно, имея в виду плато Устюрт: «Плано Карпини писал, что Чингисхан после покорения Тибета послал отряд на восток, который не покорил киргиз, но дошел до гор Каспийских».

В статье «О туркменах» он пишет: «...есть целое поколение ходжей, которые кочуют от Тюп-Карагана до Александрбая, русские рыбопромышленники называют их поповичами... Ходжи пользуются большим уважением... Вся внутренняя торговля в их руках, и они служат посредниками враждующих поколений. Они лучшие проводники, потому что они неприкосновенны. Один из них, пользуясь уважением народа, выдал себя за боговдохновенного и водил своих приверженцев на Астрабад». На полях рукописи данной статьи рукою Уалиханова написано: «Спросить у Алишера о ходжах в Коканде и о кочевых ходжах туркестанских».

Судя по этим материалам, Шоқан на самом деле был увлечен темой исламизации степи и можно предположить, что часть труда была уже завершена, он в достаточной степени владел темой, но жизнь его рано оборвалась, и многие его замыслы не были осуществлены, к сожалению.

ЗИАРАТ В МАНГИСТАУ

Мы давно уже мечтали побывать на Мангышлаке, искупаться в Каспийском море, а самое главное – посетить места, где, согласно преданиям, жили, проповедовали ислам и были захоронены 360 суфиев, которые остались в памяти многих поколений как святые. Не все могилы святых известны, многие забылись, затерялись в пустынях Мангистау, но до сегодняшних дней люди храня в своих сердцах, чтут имена Шопан-ата, Бекет-ата, Шакпак-ата, Караман-ата, Султан-эпе, совершают паломничество к местам их захоронений.

Вот и мы, члены общественного объединения «Шокан жолдары», наконец собрались в очередную экспедицию и пятого июня вылетели из разных городов Казахстана в Актау. До этого дня, конечно, были предварительные переговоры с друзьями по поводу погоды, маршрутов, экипировки, размещения, встреч и проводов. Но все вопросы были разрешены нашими верными друзьями, и вот мы уже в аэропорту Актау. Друзья встретили нас, усадили в машины. Дорога до города оказалась неблизкой, но вот мы уже разглядываем его улицы, вернее, кварталы. Уникальность Актау, к нашему удивлению, была в том, что в городе нет улиц. Адреса звучат так: 24 – 16 – 50. То есть вначале идет номер квартала, потом номер дома, далее квартиры. Город застроен квадратами, один квадрат – один квартал. Названий нет вообще. Вот молодцы, подумала я, футурологический город, совсем как у Замятина. Осталось только пронумеровать людей. Но в целом, надо сказать, какая экономия средств! Нет набивших оскомину дебатов, связанных с наименованием, переименованием улиц, площадей, не надо вспоминать улицы и их пересечения, как в других городах.

Но на второй день пребывания в этом городе я захандрила. Ведь по названиям улиц и площадей угадывается характер города, творческая иеротопия, формируется, если можно так выразиться, некое сакральное пространство, присущее конкретному объекту. Например, улица, носящая имя Бауыржана Момышулы, как бы несет в себе образ нашего легендарного полководца, создает среду общения с высшими мирами, и те, кто живет на этой улице, словно хранят в памяти, пусть даже неосознанно, его образ. Мне показалось, что духовно город искусственно обеднили, лишив его привилегии носить имена. Духовное возрождение начинается в том числе с имени. И если бы городские власти, думая о духовности, дали имена квадратам Актау, город бы зазвенел и запел.

На другой день мы вышли на прогулку к морю, и каково было наше разочарование, когда на набережной, красивой, только что отстроенной, мы увидели искусственные пальмы! Я почувствовала себя оскорбленной и униженной. Для кого возводили эти пальмы? Для высоких гостей? Берег Каспийского моря, вольная стихия, торжество и буйство природы и вдруг – синтетические пальмы, огромные, неуклюжие, убогие... А где же карагачи, саксаул, заросли тамариска, верные спутники степей и пустынь? И вспомнилась алматинская белка из соломы, которую высеяли все, кто видел ее. Не знаю, что побудило авторов этих проектов – стремление ли к оригинальности, желание «море зажечь», показать «высокие технологии»?

Не знаю, как кому, но у нас настроение было подавленным. Мы прошли к морю, вспомнили, что сегодня день рождения Пушкина и стали читать его стихи, обращенные к морю. Я вспомнила нашего декана филологического факультета, незабвенной памяти Заки Ахметова, влюбленного в поэзию Пушкина. Он вошел

в аудиторию, помолчал, углубленный в свои мысли, потом сказал: «Прощай, свободная стихия!» Мы замерли. А он помолчал, посмотрел на нас и уже другим голосом: «Так мог сказать только поэт». Тогда мы отнесли его к чудикам, а теперь я понимаю, что он делился с нами радостью жизни, приобщая нас к своему миру, миру высокой поэзии. У Сальвадора Дали есть очень известная картина, которая называется «Постоянство памяти». Действительно, память – постоянная величина, удивительное явление, она живет в наших сердцах владеет сознанием, определяет наши отношения, состояние духа, саму нашу жизнь. Она хранит все самое дорогое, самое лучшее, но и не дает забыть то, что хочется иногда забыть, убрать из наших воспоминаний. Память не подчиняется нам, она живет сама по себе и заставляет нас меняться, от чего-то отказываться, к чему-то приходиться, вносить поправки, что-то принимать на веру.

После прогулки по набережной, любования морем, чтения Пушкина, знакомства с достопримечательностями города мы были в гостях у моей бывшей сослуживицы, милой, прекрасной Гуляим, обедали, пили чай и слушали ее песни под гитару. Наш приезд совпал с днями ораза айта, днями разговения; некоторые из нас держали пост, поэтому разговоры коснулись и религии, истории ее проникновения в кочевническую среду. Говорили о суфийской практике, о том, как когда-то на полуостров пришли ходжи – суфии, потомки пророка, которые несли с собой веру. А завтра нас ожидало паломничество в святые места, встреча с суфийским миром. Мы поблагодарили гостеприимных хозяев и отправились отдыхать.

Назавтра, это была пятница, седьмое июня, за нами заехала машина, которую мы арендовали, и мы двинулись в путь, к аулие Бекет-ата, или пир-Бекету, религиозному суфийскому деятелю из рода адай, который жизнь свою посвятил служению вере. Жил святой во второй половине XVIII века вблизи поселка Кульсары. В 14 лет он получает благословение у своего покровителя Шопан-ата и едет учиться в Хиву. После обучения возвращается в Мангистау и строит здесь мечети. Одна из них – подземная, вырублена в скальном мысе в урочище Огланды. Мечеть состоит из четырех комнат, которые Бекет-ата построил когда-то как ритуальное помещение. В одной похоронен он сам, в другой погребена его сестра Аккуаш – сюда разрешается входить только женщинам. В третьей возвышается посох святого, к которому можно прикоснуться, поцеловать, повязать жертвенные деньги. Четвертая комната – молельня, в ней находится ниша, где проводил время за молитвами аулие.

В сорок лет он стал суфием, основав суфийскую школу при мечети. Он приобрел популярность как целитель и как ученый, знающий математику, астрономию, физику. Он обучал грамоте детей, у него было много последователей, учеников, единомышленников. Мечеть эта находится в труднодоступном месте, но, несмотря на это, является местом паломничества многих людей. В день здесь бывает от 400 до 1000 человек. Говорят, что после посещения мечети Бекет-ата люди исцеляются от болезней, к ним приходит благодать и успокоение. Мы видели старца, которого привели его сыновья. Он долго молился в мечети, и с ним вместе молились его сыновья. Потом они поднялись, и сыновья на руках понесли отца по крутым ступенькам, ободренные и умиротворенные.

До конца своей жизни Бекет преклонялся перед своим учителем Шопан-ата, и поэтому все паломники сначала приходят к учителю, совершают омовение, читают молитвы, пьют чай, оставляют жертвенные деньги. Говорят, что Шопан-ата был учеником Ходжа Ахмета Яссауи. Однажды учитель собрал своих учеников

в юрте и попросил выпустить по стреле. А потом сказал, чтобы они нашли свои стрелы, и в том месте, где их обнаружат, им предназначено проповедовать суфизм. Долго искал Шопан стрелу, и через несколько месяцев, придя на Мангистау, нашел ее на горе, недалеко от аула богача Баяна. Тот понял, что пришедший к нему – непростой человек, стал ему покровительствовать, отдал в жены свою дочь, породнился с ним. Позже Шопан-ата выроет у подножья скалы, куда упала когда-то его стрела, подземную мечеть.

Некрополь и подземная мечеть Шопан-ата

Мы тоже посидели вместе со всеми в гостевой комнате, послушали рассказы служителей мечети, поднялись на вершину горы, где похоронен тесть Шопан-ата, который когда-то дал ему кров и работу. Возле могилы много женщин, детей. Говорят, что если посидеть на камнях женщинам, мечтающим о детях, желание может исполниться. Можно еще собрать камни и складывать их в пирамидки, загадывая при этом желание.

Шокан Уалиханов собирал рассказы о мистических происшествиях, записывал их. Так, в статье «Следы шаманства у киргизов» он приводит довольно объемное повествование «Легенда о мертвом и живом и о дружбе их». В этой легенде приводятся примеры, как мертвый помогает живому и наоборот.

У меня когда-то был личный опыт поклонения святому Асан-ата, одному из семи святых, самому старшему в пантеоне Окшы-ата. Невестке моей врачи сказали, что она не может иметь детей. От отчаяния и бессилия я втайне от всех отправилась на поклонение к пантеону, рассказала святителю о своей беде и к вечеру вошла в склеп святого Асан-ата. Шыракшы убеждал меня, что не обязательно сидеть всю ночь у могилы, но я была непреклонна. Наступила ночь, было тихо, но почему-то не было страха и боязни, только отчаяние и страстное желание быть услышанной богом. Не помню, как пролетело время, но взошло солнце, в склепе стало светло, и за мной пришел шыракшы, его звали Гани. Он тоже провел ночь в молитвах, прося за меня милости у Всевышнего. Возвратилась я домой, не переставая молиться и верить в благополучный исход. Через девять месяцев невестка, вопреки всем медицинским прогнозам, родила дочь. И что совсем по-

казалось мистическим, немного раньше, тоже в феврале 2002 года, родила и моя дочь, в планах которой не было беременности. Я никому не говорила об этом случае, боялась, что не поверят, но до сих пор мне кажутся необычными даты рождения двух девочек в нашей семье: 22.02.2002 и 11.02.2002. На мой взгляд, сакральность этих цифр говорит сама за себя...

Через час мы собрались в машине и поехали дальше, к Бекет-ата. Планируя поездку, мы хотели провести ночь в молитвах в подземной мечети, но по дороге выяснилось, что наши спутники спешат и должны вернуться в город. Мы не стали спорить, положившись на провидение. В таких освященных высоким духом местах нельзя пререкаться, много говорить. Когда же мы приехали и прошли в гостевую комнату, где паломники отдыхали, пили чай, нас встретила высокая горластая женщина.

Она отрекомендовалась потомком Бекет-ата, стала рассказывать, как вести себя, отпуская скабрзности и непозволительно грубые высказывания в адрес женщин, у которых был маникюр или не слишком длинные платья. Некоторые пытались возражать, но ее нельзя было остановить. Мужчины сидели в другой комнате, и через минуту ее гнев обрушивался уже на них. Мы переглянулись и поняли, что ночевать тут не придется, что благодати, тишины, умиротворения здесь мы не найдем. К тому же горы грязной посуды, мухи, ползающие по столам, пыльные ковры, засаленные одеяла не внушали особого доверия. Но главное было в этой женщине, оставившей в наших душах смятение и неприятие. В общем, мы решили, что это нам знак свыше, и лучше возвратиться на той же машине и с теми же попутчиками, с которыми мы приехали из города.

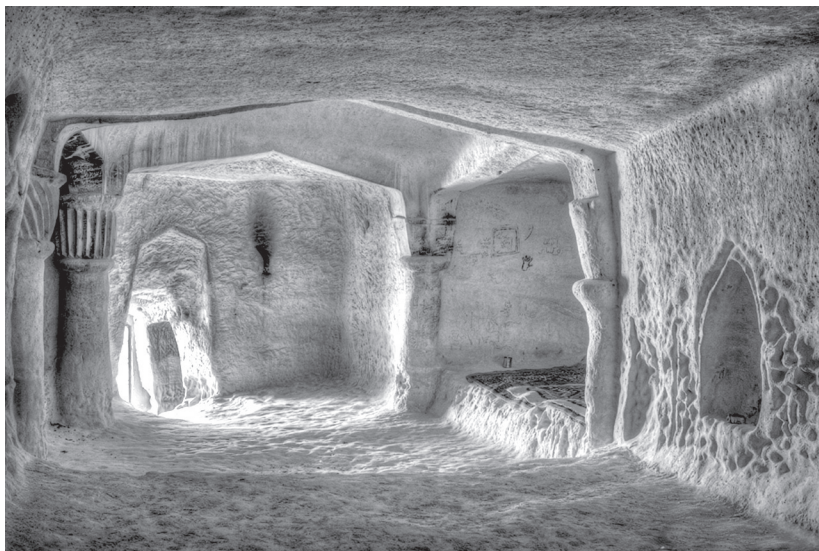
Путь в мечеть Огланды начинался с чинка. Вымощенная ракушечными плитами дорожка, перила, выкрашенные в синий цвет, низкие ступени, беседки, где можно передохнуть. Встречаем идущих навстречу, уже успевших побывать у Бекет-ата паломников, здороваемся, желаем им здоровья, чтобы исполнились их желания: «Кабыл болсын!» Они отвечают нам тихо и торжественно. Вдруг на дорожку выскочила ящерица – крупная такая, воинственная. Круглый глаз ее глядел на меня не мигая, она даже как-то ощетичилась, приподнялась в боевой стойке, мы осторожно приближались к ней, но она и не думала убежать. Пришлось нам обойти ее. А может, она оберегала свое семейство от нас? Хотя нам говорили, что Бекет-ата любил животных, и они не боялись его. Значит, и нынешние братья наши меньшие ждут от нас такой же любви и сочувствия, подумали мы, спускаясь вниз по ступенькам вниз примерно на 130 метров.

Восхищаемся уникальной, какой-то нереальной, неземной красотой пейзажа, открывшегося нам... Будто другое измерение, в котором себя ощущаешь как-то совсем иначе.

Ну вот наконец и добрались. Перед мечетью небольшая очередь, и мы отправляемся к огню, который зажжен справа. Нагреваем, по примеру других, руки итираем лицо, голову, одежду. Потом поднимаемся к роднику. Вода там мутная, желтоватая, пить ее нельзя, но надо омыть глаза, существует поверье, что вода целительна для глаз. Но вот очередь доходит до нас, мы снимаем обувь и входим, шепча молитвы, внутрь. Нас проводят в комнату, где находится посох, обвитый платками, увешанный жертвенными деньгами. Читают молитвы, загадывают желания, рассказывают случаи чудесных исцелений. Но посидеть подольше не удастся, поскольку места мало, а паломников много. Обошли

комнаты, осмотрели все за десять минут и вышли. Опять подошли к ступеням, предстояло теперь подняться наверх, что, конечно, было труднее.

Народу стало меньше. Спускающиеся вниз с любопытством смотрели на нас, видимо, пытались определить, каково нам после посещения святого, заговаривали, приветствовали, желали исполнения желаний. Подниматься было непросто, мы не пропускали ни одной беседки, чтобы передохнуть. И вдруг прямо на нас из расщелины скалы вышли целых четыре архара, видимо, семья. Замыкал шествие самый маленький, видно, недавно родившийся детеныш. Архары показали нам посланниками от Бекет-ата – так красива и значительна была их неторопливая, грациозная поступь, так открыто шли они к нам, будто собирались передать нам

Подземная мечеть Бекет-ата

какое-то откровение от незримо присутствовавшего при этом святого. Люди стояли, не шевелясь, на ступеньках, следя за архарами, не в силах двинуться. Нам говорили, что если покажутся архары, это знак одобрения и принятия наших жертвований Бекетом. Может, это и правда, тогда мы получили еще один такой знак, когда выезжали на дорогу: вдруг наперерез нам выскочил одинокий архар и скрылся в придорожном кустарнике. Мы поблагодарили доброго аулие и продолжали путь.

Сидевшие в машине путники молчали, вспоминая и переживая вновь все увиденное и услышанное. А мне вдруг вспомнилось, как лет пять назад, тоже летом, кажется, в июле, я впервые увидела архаров в Павлодарской области. Мы ехали без дорог по степи, отыскивая озеро, и вдруг прямо перед нами показалась целая кавалькада то ли косуль, то ли джейранов, то ли архаров, не знаю точно, но это было невероятно захватывающее зрелище. Они будто неслись по воздуху, не касаясь земли, стремительно, на огромной скорости, по одной, будто вычерченной кем-то, линии. Мне тогда объясняли, что в мае, когда самки приносят приплод, бывает очень холодно, и эти дни называются в народе «куралайдын суыгы», а потом они с подросшими и окрепшими детенышами перекечевывают в степи Сарыарки.

Приехали мы в город уже ночью. Тем не менее утром решено было поехать к святому Султан-эпе, который считался покровителем всех рыбаков и моряков.

Памятники культуры Мангистауской области связаны с именами учеников великого мистика – суфия Ходжа Ахмета Яссауи. Один из таких памятников –

комплекс Султан-Эпе, расположенный в 130 километрах от города. Это многокамерная подземная мечеть, вырубленная в скале. Для надежности установлены каменные колонны, поддерживающие перекрытия. Предположительно, подземная мечеть представляет ханаку – монастырь для послушников суфийской общины, которые возвели ее в XIII–XV веках, по примеру учителя своего Ходжа Ахмета Яссауи, отказавшегося от мирской жизни в 63 года и оставшееся ему время проведенного в молитвах в подземелье Туркестана.

Султан-эпе – сын известного поэта-мистика Хаким-ата (Сулеймана Бакыргани), который был учеником суфия Яссауи. Отец Султана-эпе не очень верил в необыкновенные качества сына, совершающего удивительные подвиги и чудеса. Люди же считали его покровителем рыбаков. Если тонущие произносили имя Султан-эпе, то откуда-то появлялся огромный шест, и люди спасались. Чтобы отец поверил в него, Султан-эпе даже перенес Каабу в Бакырган (Хорезм), оживил заколотых быков на глазах у отца, но отец продолжал недоверчиво

Подземная мечеть Султан-Эпе

относиться к нему. Тогда Султан-эпе попрощался с родителями и исчез, став невидимым. Узнав об этом, Яссауи карает своего ученика: по приказу Учителя русло Аму-Дарьи меняет направление и течет по тому месту, где похоронили Хаким-ата, и город оказался полностью разрушен.

Через сто лет после исчезновения Султан-эпе на Мангышлаке появились ногаи. Детей ногаев обучал один мулла. Среди его учеников был хромой и убогий мальчик. Звали его Хайрулла. Все над ним издевались, били. Никто его не любил, у него не было друзей. Устав от тяжелых побоев, одиночества, он решает покончить с собой. Долго бежал он по степи, а когда сил не стало, подошел к большому камню, обнял его и долго плакал. Он обратился к богу, рассказал ему о своей тяжелой жизни, молился и просил облегчить страдания. Долго он сидел у камня, плакал и молился. Обессиленный, голодный, страдая от жажды, он заснул. К нему явился во сне человек, попросил открыть рот и плюнул. И в нем проснулась мудрость. А незнакомец сказал ему во сне: «Встань, поднимись и иди. Увидишь сидящего орла, запомни это место. Именно там ты должен построить»

мечеть». Мальчик испугался, как он построит мечеть, ведь он слаб и немощен. Человек сказал: «Я – Султан-эпе. Подойдешь к камню, прикоснешься к нему и произнесешь мое имя. Даже самые большие камни будут сами двигаться и укладываться туда, куда ты им велишь». Сказал это Султан-эпе и исчез.

Хайрулла тотчас проснулся и отправился домой. По дороге он увидел орла, который сказал ему: «Султан-эпе» и улетел. Мальчик запомнил место, где сидела птица, и возвратился к мулле. Тот избил его в очередной раз и велел читать. Хайрулла быстро прочел текст. Тогда мулла дал ему новое задание – семь страниц текста. Он прочитал их и ответил на все вопросы, как ученый. Потом Хайрулла ушел в степь, пришел к тому месту, где он должен был построить мечеть. Когда он произносил имя Султан-эпе, камни двигались сами собой и укладывались туда, куда указывал мальчик. Вскоре мечеть была построена, а Хайруллу люди стали звать суфием.

Интересно, что Шокан в своем дневнике в Кашгарию писал о том, что у Сулеймана Бақыргани было двое детей – Айша-биби и ее брат Ерхубби. Туркмены Ташаузской области до наших дней рассказывают об исчезающем святом Султан-уппи, который помогает тонущим. На самом деле Султан-эпе обнаруживается на Мангышлаке, недалеко от моря.

Интересно, что рассказы об исчезнувшем святом я впервые услышала в пантеоне семи святых Окшы-ата, что в Кызылординской области. Одного из семи святых прозвали в народе Гайып-ата, то есть Исчезнувший. Рассказывают, что этот святой собрал перед смертью людей и сказал: «Когда вы меня похороните, через день вскройте могилу». Просьбу старца исполнили и увидели, что могила пуста. Но люди считают, что Гайып-ата просто не показывается им, и обращаются в своих молитвах к его духу, полагая, что его приязнь поможет им быть услышанными богом.

Мы побывали в подземной мечети, которая на самом деле похожа на монашеский скит, помолились в низеньких кельях, где можно только сидеть, куда не проникает свет, где всегда темно, где забываешь обо всем и погружаешься в тишину Вечности, искупались в роднике, видели семь огромных шестов Султан-эпе, на которых повязано много платков и лент с жертвенными деньгами. Конечно, здесь не так многолюдно, как у Бекет-ата, но люди приезжают сюда каждый день, молятся, купаются в роднике, накрывают дастархан, готовят мясо жертвенного барана, ночуют семьями.

Здесь тоже есть гостевой дом, пригодный для жилья, есть даже солнечные батареи для того, чтобы был свет. Построен он в 2010 году ТОО «Хазар-Мунай». И вот уже десять лет живет здесь святитель – шыракшы Богдан, встречает паломников, занимается обустройством. Хозяинничает он умело, спокойно, неторопливо, без излишнего кликушества и фанатизма. Нам он сказал, что знал с утра, что едут издалека на поклонение женщины, и потому ждал нас. Рассказал и о своей жизни. Он был у матери девятым. Оказывается, врачи сказали, что могут спасти только одного – или мать, или ребенка. Мать сказала – или вместе останемся жить, или оба уйдем. Назвали его Кудайбергенем. У отца было двое друзей-фронтовиков, они сказали, что в переводе имя означает богом данный, и стали называть его Богданом. Так и остался он Богданом. За неспешной беседой мы пили чай, угощались куырдаком – его приготовила одна семья, приехавшая еще утром и оставшаяся на ночь. Перед домом рос тутовник – ягоды его были сладкими и терпкими на вкус. По поверью, того, кто съест плоды тутовника или смоквы, ожидает долгая жизнь. Поедая плоды,

мы пожелали долгой жизни Богдану и, конечно же, себе, своим близким, родным, в общем, всем, кто живет на нашей планете и мечтает о счастье.

Солнце клонилось к закату, и мы, попрощавшись с Богданом, возвратились, тихие, умиротворенные, в Актау.

Пытаюсь найти ответ на вопрос, что же двигало людьми, в данном случае суфиями, в разных частях земли, которые отрешались от жизни среди живых, укрывались в подземельях? Только ли огромная любовь к богу, которую они хотели донести до него? Или это был выбор самого бога? Ведь человеку свойственна неуемная жажда жизни, он существо общественное, и ничто человеческое не может быть ему чуждо. Благодаря суфиям на земле появлялись сакральные места, где люди могли очиститься от грехов, попросить помощи у высших сил, и когда желания сбывались, благодарная память сохраняла в их сердцах высокий духовный подвиг старцев-аулие... На память пришли строки бессмертного тюркского поэта-суфиста средневековья Алишера Навои:

Взгляни на мир. Как разгадать все тайны естества?
 Чем больше смотришь, тем сильнее растерянность растет.
 И в сущность солнца, и луча, и атома в луче
 Частично, может быть, мой ум дорогу обретет.
 Но как постичь приход мой в мир, и как уход постичь?..

На следующий день мы поехали в форт Шевченко, чтобы поклониться праху великого Кобзаря, чтобы увидеть знаменитый мыс Тупкараган, где в давние времена находился караван-сарай, и назывался он Кетик. Это потом, в 1846 году, царское правительство на каменистом кряже Курганташ построило Ново-петровское укрепление, переименованное позже в форт Александровск.

Приехали мы в городок уже к обеду, и потому решили перекусить в кафе с многообещающим названием «Рай». После обеда мы отправились в музей Тараса Шевченко. О трагической жизни крепостного художника и поэта мы знали по школьным и университетским программам, в памяти всплывали его строки: «Как умру, похороните на Украине милой...»

Экскурсовод Айгуль, много лет работающая в музее, вдохновенно рассказывает нам о жизни гения на полуострове, о том, как он рисовал, сидя в землянке, скрываясь от властей, потому что ему было запрещено высочайшим указом писать картины и стихи. Эту землянку подготовил комендант укрепления Усков, боясь, что Тарас не выдержит испепеляющей жары и зноя Мангышлака, не сможет жить без картин и стихов. Ираклий Усков видел в нем большой талант, переживал за дальнейшую судьбу. Благодаря его вмешательству и заступничеству сохранились и картины, и стихи Тараса Шевченко, который интересовался памятниками материальной культуры казахов, этнографией. Интерес его выражался в зарисовках архитектурных сооружений, гробниц, надгробий. Для современных исследователей сакрального Казахстана эти картины имеют, безусловно, огромное значение. Есть одна картина под названием «Могила Далисман-муллы», написанная Тарасом. Художник, как когда-то Шокан, тоже занимался исследованием сакральных мест, и доказательством этому служит воспроизведенный им памятник, который по народному казахскому обычаю сооружался над могилой человека, при жизни объявленного святым. На картине изображено возвышение из камней в каменном

гроте. На высокой каменной плите, обтесанной в виде овальной колонны, еле видны древние письмена. Могилы этой, по-видимому, нет в наши дни, но тем ценнее вклад Тараса Шевченко в сохранение историко-культурных объектов.

Подземная комната, темная, мрачная, сохранилась – и напомнила мне скиты и кельи суфиев-отшельников. Здесь жил Тарас, писал тайком стихи, рисовал, прятал и картины, и стихи от чужих глаз. Во время ссылки в форт Новопетровский Шевченко принимает участие в Каратауской экспедиции и в экспедиции под руководством Бутакова. Рисунки, которые были иллюстративным материалом к отчетам, доказывают, что Шевченко фактически был первым и единственным художником того времени, который блестяще воспроизвел древние памятники Мангышлака, передал их самобытность, своеобразие, сумел ощутить и почувствовать сердцем красоту горных пейзажей, величие природы.

На следующий день мы приземлились в аэропорту города Атырау. Нам предстояла пересадка на другой рейс, и у нас было пять часов времени. Как можно было упустить такой счастливый шанс и не поехать в областной музей художественного и прикладного искусства имени выдающегося художника Казахстана, известного шестидесятника Шаймардана Сариева! Музей оказался богат экспонатами: их около двух тысяч. Один из девяти залов посвящен творчеству талантливого земляка атыраусцев, нас взволновали и потрясли его полотна. Художник рано ушел из жизни, судьба его, как и у большинства художников, была трагической, и только многолетний подвижнический труд его супруги, Кульпаш Ынтымакбаевны Сариевой, большого ученого, исследователя, позволил отыскать и сохранить, вызвать к жизни многие картины художника. Творчество Шаймардана Сариева, воссоздавшего в своих работах сложный, красочный мир казахов, представившего незабываемые образы родной земли, составляет яркую страницу истории культуры Казахстана, истории духовного обновления народа.

...Самолет приземлился в аэропорту столицы ровно в назначенное время, а нам показалось, что вернулись мы из прошлых веков, так звенела в наших сердцах любовь и очарование Западным Казахстаном, загадочным и почти мистическим Мангышлаком, где осталось столько неразгаданных тайн, забытых славных имен, которые, может быть, ждут своих будущих первооткрывателей. И мне подумалось тогда: преобразование нашего духовного сознания состоит не только в местечковой любви к краю, где ты родился, не только в патриотизме землячества, но есть еще более высокая ступень, когда человек не будет ощущать себя чужим, например, в Актау, приехав из Жетысу или Костаная, а почувствует свое неразделимое единство и причастность к общей истории земли, примет ее во всей многогранности и цельности, как воспринимал ее великий Шокан Уалиханов. И далее должна последовать новая, высшая ступень: любовь ко всей планете, ко всему человечеству. Об этом думал, об этом мечтал выдающийся сын Земли Абай, написавший бессмертные великие строки: «Адамзаттың бәрін сүй, бауырым деп. – Полюби каждого, как брата своего».

К сожалению, этот завет хакима Абая донныне не исполнен нами. Но мы, я уверена, к этому придем, ибо в этом – залог счастливого будущего людей.

